

УДК 316

ЭТАПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

© 2012 г.

Д.Ю. Шаталов-Давыдов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

korvet_nn@list.ru

Поступила в редакцию 14.06.2012

Концепция устойчивого развития традиционно воспринимается в одном ряду с такими феноменами, как глобализация, экологический кризис, проблемы развития технологий. Предпринята попытка систематизации многочисленных теорий устойчивого развития в одной концептуальной схеме и выявление ядра данной концепции, с учетом смыслов, придаваемых этой концепции в рамках политического и экономического дискурсов, с которыми и связано само происхождение исследуемой концепции.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, концепт устойчивого развития, экономический рост, глобализация, теория зависимости, экологическая стабильность.

Понятие «устойчивого развития» появилось в 1987 г. и по сей день вызывает значительный интерес и порождает многочисленные дискуссии. Учитывая полемичность самой формулировки – устойчивость развития – и масштабный характер задач, которые призвано решить «устойчивое развитие» (экономическое неравенство, экологический кризис, изменение базовой модели общества потребления и т.д.), актуальность данной проблемы не вызывает споров. В то же время сама концептуализация «устойчивого развития» вращается вокруг двух принципиально различных терминов – концепции и теории. В рамках данной статьи хотелось бы не только развести концепции устойчивого развития и теории устойчивого развития, но и показать этапы формирования обеих, выявить концепт устойчивого развития.

В связи с исследованием концептуализации устойчивого развития кажется значимой задача построения концептуальной схемы. Особенностью данной концепции является ее блоковость – исторически сложившись как подход, призванный разрешить ряд глобальных проблем развития и экологии, она стала общим названием для широкого круга теорий как экологических, так и социальных и экономических. В этой связи вполне актуальна задача выявления концептуального ядра – то есть тех элементов, которые наличествуют или подразумеваются в каждой теории, позволяя отнести последнюю к «устойчивому развитию»; а также составления концептуальной схемы, структурирующей все элементы концепции вокруг концептуального ядра. При этом обе задачи могут решаться параллельно – схема задает порядок организации,

в то время как ядро является базовой смысловой константой. Построение концептуальной схемы видится нами решением задачи структурирования связей и соотношения теорий в рамках данной, немонолитной концепции на основании исторического усложнения связей между концептуальным ядром и теориями в рамках соответствующих контекстов (в данной работе экономического и политического).

Начнем наш анализ концептуальной схемы устойчивого развития с прояснения основного содержания понятий «концепция» и «концептуальная схема».

Концепция представляет собой систему взглядов, выражающих определенный способ видения, понимания, трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов и презентующая ведущую идею или конструктивный принцип в той или иной теоретической знаниевой практике [1, с. 509]. Таким образом, концепция обеспечивает развертывание системы понятий в определенной предметной области. При этом существует несколько пониманий концепции, различающихся в классической и неклассической науке. В классической науке была сильна тенденция считать концепцией нестрогую теорию – некоторую теоретическую модель, являющуюся на текущий момент еще непроверенной, сформулированной на определенных допущениях и задающей определенную предметную область.

Другое понимание концепции вносится неклассической наукой. Концепция становится своего рода понятийно-методологическим основанием теории, при этом сама концепция редуцируется к фундаментальной теоретической

схеме, получившей название концептуальной схемы, включающей в себя исходные принципы, законы, смыслообразующие понятия, или к модели – идеальной концептуальной схеме описываемой предметной области, включающей в себя структурно-организационный срез предметного поля, на которое проецируются интерпретации всех утверждений теории. При этом сам процесс развертывания концепции можно описать концептуальной схемой, представив концепцию в виде актуализованных концептов, ее составляющих. Рассмотрение концепции в качестве концептуальной схемы редуцирует концепцию к предварительной теоретической организации материала внутри научной теории, которая в своей полной «развертке» выступает ее реализацией. Рассматриваемая в таком контексте концепция приобретает самостоятельное от теории значение – становится своеобразной платформой возникновения и развития определенных научных теорий. В этой связи исследовал исторические принципы смены концепций Р. Дж. Коллингвуд в работе «Очерки метафизики». Он замечает, что общие, всеохватывающие принципы естествознания не являются «большими посылками» «универсальных суждений», из которых дедуктивно выводятся специфические и частные утверждения, такая структура характерна только для четко дедуцированных математических систем. Как результат, функционирование теорий в естествознании сильно зависит от принимаемых исследователем общих теоретических платформ или концепций. Таким образом, проблемой изменения научного знания становится исследование не теорий, но концепций. Затем Коллингвуд разрабатывает теорию, объясняющую решающие интеллектуальные переходы в науке на основании изменения базисных предпосылок – «абсолютных предпосылок» [9]. Следует отметить, что, следом за Коллингвудом, Тулмин начинает исследовать проблематику изменения концептуальных оснований (интеллектуальных традиций у Тулмина) в их влиянии на смену стандартов мышления и действия, базовых понятий, характеризующих восприятие мира.

Акцент на концептуальности, естественно, актуализирует социокультурную и ценностно-нормативную составляющие знания: возникают концепции личностного знания и научного сообщества Полани, исследовательская программа Лакатоса, парадигма и дисциплинарная матрица Куна, дисциплинарный анализ и интеллектуальная экология Тулмина и т.д. Таким образом, можно утверждать, что концептуальный анализ оказался достаточно плодотворным.

Рассмотрев необходимое понимание концепции в рамках истории науки, выведем дефиницию процедуры концептуализации и поясним ее смысл. Концептуализация – процедура введения онтологических представлений в накопленный массив эмпирических данных, обеспечивающая теоретическую организацию материала и схематизацию связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения референтного поля объектов, что позволяет продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей; способ организации мыслительной работы, позволяющий двигаться от первичных теоретических концептов ко все более абстрактным конструктам, развертывая всю структуру научной теории, с одной стороны, и вписывать научную теорию в более широкие дисциплинарные контексты – с другой [1, с. 507]. То есть концептуализация – это непосредственно абстрагирование конкретной теории и вписывание ее в общий контекст исследований в данном предметном поле, во-первых, и данного предметного поля в предметную область науки, во-вторых. Концептуализация теорий в предметном поле социальной философии обретает особую значимость, поскольку эти теории отличаются достаточно низкой степенью формализованности, структурирования и состоят скорее из закономерностей, нежели из законов, что определяет необходимость их вписывания или соотнесения с «большими» теориями, работающими в рамках дисциплины. Естественно, здесь требуется формулирование определенных идеальных объектов (модели), на основании положений теории, исходящих из базовых концептов, затем описание поведения данной модели в рамках «большой» теории. Как уже отмечалось (при обращении к С. Тулмину), особую роль начинает играть язык как пространство построения научных высказываний – и это в первую очередь научный текст. Исследование значения, безусловно, запускает в действие исследование языка как пространства научных высказываний, чтобы установить, какое значение выдается при помощи языковых средств. Здесь значимы синтаксический, семантический и прагматический аспекты построения высказываний. В силу того, что язык – это совокупность знаков, исследователь в ходе исследования может отвлекаться от смысла терминов языка и рассматривать их только как знаки, образующие в своих связях формулы, из которых выводятся другие формулы по правилам данной языковой системы. В силу того что синтаксический аспект может использоваться только при достаточно выстроенной системе терминов (и чаще всего поэтому он применяется в точных нау-

ках), семантический аспект языка требует обращения к содержанию языковых выражений. Он предполагает нахождение идеальных объектов и их связей, которые образуют непосредственный смысл терминов и высказываний языка. Кроме того, при семантическом анализе требуется установить, какие стороны внеязыковой реальности репрезентированы посредством указанных идеальных объектов. Собственно установление репрезентированных сторон внеязыковой реальности (непосредственно эмпирического материала) и их связывание с идеальным объектом являет собой концептуализацию первых и вовнесение их в предметную область исследуемой научной теории. Следующий уровень рассмотрения должен предполагать применение выявленных форм взаимодействия идеальных объектов к конкретным эмпирическим реалиям. Прагматический аспект языка предлагает рассмотрение языковых выражений в отношении к прагматической деятельности и специфике социального общения, характерных для определенной исторической эпохи. Данный уровень осуществляет своеобразный возврат от абстрактного знания к конкретному – возвращает сконструированные модели к их непосредственным основаниям, покоящимся в рамках социокультурной среды, их породившей. Речь идет о вскрытии базовых концептов, лежащих в основании производимой на семантическом уровне концептуализации. При этом важно подчеркнуть, что как на семантическом, так и на прагматическом уровне мы имеем дело с концептами как с базовыми категориями: в рамках концептуализации мы выстраиваем из первоначальных концептов некую модель, вписываемую в определенную научную концепцию (ряд нечетко формализованных допущений о характере данной предметной области); в рамках операционализации мы раскладываем имеющуюся перед нами модель на ее непосредственные составляющие. Наконец, необходимость данных действий обусловлена спецификой пространства построения научных высказываний, т.е. тем фактом, что любое научное высказывание является языковым и, таким образом, уже несет в себе некоторую состоящуюся концептуализацию.

Итак, рассмотрение нами концепции в аспекте ее структурирования в рамках концептуальной схемы выявило значимость как концептуализации – т.е. составления модели, схемы непосредственно, так и значимость движения в сторону значения базовых элементов, вносимых в концептуальную схему, существующих и претерпевающих влияние со стороны социокультурной среды – концептов, что влечет за собой

процедуру операционализации. При этом выявление значения концептов и их влияния на всю структуру концептуальной схемы может привести к новому смыслу в последнюю, поэтому здесь неизбежно должна произойти вторая концептуализация, создаваемая на основании рассмотренных значений концептов и их взаимосвязей. С этой точки зрения в рамках предлагаемой концептуализации будут рассмотрены не только теории, концептуальное ядро и их взаимосвязь (генетическое происхождение одной теории из другой), но и их значение в рамках экономического и политического дискурсов об экологических проблемах развития и более широко как дискурса о хозяйственной деятельности человека вообще.

Концептуализация делится нами на несколько этапов: 1) формирование теорий в предметной области, описывающих частные феномены данной предметной области, где в качестве предметной области берется экология (и рассматриваются частные вопросы, такие как предельные нагрузки, загрязнение и т.д.); 2) возникновение концепции, задающей общие концептуальные границы для частных теорий, уже существующих в данной предметной области; 3) очерчивание границ концепта устойчивого развития, расширение первоначальной предметной области. Данную логическую схему мы подтвердим фактологическим материалом.

Первый этап (1970–1987 гг.) связан с первоначально возросшим вниманием к проблемам экологического кризиса и истощаемостью природных ресурсов. Более того, можно утверждать, что работы Римского клуба впервые заострили внимание на вопросах взаимодействия экологической деградации и экономического роста, по сути очертив границы предметной области. Соответственно, дальнейшие теоретические исследования стали проводиться на стыке двух данных дисциплин. Значительное влияние на исследования, посвященные проблеме собственно устойчивого развития, оказало широкое обсуждение модели качественного роста (как противоположности количественного), предложенной Г. Дали и У. Ростоу. Качественный рост предполагает рост потенциалов и возможностей в процессе производства при уменьшении зависимости от сырья.

Таким образом, с экономической точки зрения теория устойчивого развития становится новой моделью экономического роста. Отметим, что классическая либеральная экономическая модель оперирует понятием количественного роста, выражаемого терминами «расширенное воспроизводство», «максимизация доходов и благ». Ставшие наиболее популярными в

1960–70-х гг. кейнсианская и некейнсианская модели экономического развития основываются на психологическом законе и предельной склонности к потреблению [3]. Реализация модели Кейнса способствует политике государственного управления инвестициями в экономику и позволяет нагружать производственные мощности, что способствует максимизации дохода.

Позднее теорию количественного и качественного роста разрабатывал Г. Дали, который определял количественный рост как физическое увеличение продукции, произведенной из возрастающего количества природного сырья, а качественный – как рост потенциалов и возможностей в процессе производства при уменьшении зависимости от сырья. При этом Дали делает вывод, что рост производства продукции, характерный для кейнсианской экономики, должен быть заменен ростом экологическим [4, 52–56].

Приведенная в докладе «Пределы роста» в Римском клубе математическая модель продемонстрировала, что количественный рост необходимо должен остановиться, будучи не уравновешен с внешними (неэкономическими) системными факторами – биологическими, культурными, экологическими и психологическими [5, с. 24]. Дальнейшие исследования в рамках данной предметной области можно условно разделить на три направления (в зависимости от их отношения к влиянию экономического роста на окружающую среду), в рамках которых были представлены несколько теорий: эоцентризм, техноцентризм, корникопианство.

Эоцентризм в основном строился на продолжающихся исследованиях пределов роста и экологических нагрузок в рамках качественной теории экономического роста.

Отметим, что категория устойчивого развития возникла в связи с исследованием пределов роста, в результате чего в 1980–1987 гг. была создана теория «несущей способности». Несущая способность – способность глобальной экосистемы в данный период времени обеспечивать ресурсами человеческую жизнедеятельность без нарушения устойчивости (sustainability) окружающей среды, которая складывается из емкости (caracity) невозобновляемых природных ресурсов, емкости природных ресурсов, способных к регенерации, и емкости особо охраняемых ресурсов [6, с. 24]. Концепция несущей способности позволяет определять, какое именно количество населения должно проживать на данной территории, чтобы нагрузки на экосистему не были запредельными, какие объемы производства (имеется в виду вредное производство) должны поддерживаться на данной

территории и т.п. Следствием из обсуждения несущей способности экосистемы становится необходимость введения мер регулятивного характера со стороны государства, как собственника объектов окружающей среды, и мер контроля за использованием окружающей среды со стороны общественных институтов, т.е. определенных ограничений, регламентируемых в соответствии с характерными для данной местности зависимостями.

Другим направлением была идея замены роста улучшением: прогресс есть любое изменение, улучшающее жизнь человеку, способствующее его саморазвитию [7, с. 489], но вовсе не количественный рост товаров и производства.

Техноцентризм, напротив, ставил актуальность проблемы, поднятой Римским клубом, под вопрос, источником опасности для окружающей среды являются процессы не эксплицитные, вызываемые человеческой деятельностью, но имманентные самой экосфере. Также экстенсивный экономический рост не существует, так как действует формула соотношения количества населения к имеющимся технологиям (уточненная мальтузианская формула роста): в процессе развития всякий раз достигается некое экономическое равновесие между обеими составляющими, в силу чего экономический рост, вызываемый увеличением численности и улучшением средств производства, останавливается в момент равновесия между спросом и предложением; таким образом, дальнейший рост возможен только при смещении баланса (освоение новых пространств, качественное изменение технологий и т.д.).

Наконец, третий подход – корникопианство – базируется на тезисе о неисчерпаемости ресурсов. В силу того что рыночная экономика существует в условиях динамического равновесия, рынок автоматически находит необходимое ему количество ресурсов. В условиях малого количества того или иного ресурса, следуя рыночным законам, в значительной степени вырастают его цена и издержки на добычу, что влечет автоматический переход на ресурсозамещающие технологии. В рамках данного направления, таким образом, предполагается неэффективность вмешательства государства и общества в регулирование принятой экономической модели.

Таким образом, мы выделили несколько основополагающих категорий, которыми начали оперировать исследователи проблемы устойчивого развития. Это рост (имеется в виду, конечно, экономический рост), развитие, устойчивость и окружающая среда. При этом, если категория «рост» – экстенсивный рост производ-

ства товаров и продукции, уравниваемый лишь рыночными законами – пределами потребления, в 1970-е гг. начинает восприниматься крайне негативно, то развитие, являющееся в теоретическом плане также экономическим ростом, базирующимся на интенсивных технологиях – т.е. модернизации производства, – воспринимается как антитеза росту. При этом обе данные категории: ставшее и возможное (ставшее как существующее и неизменный порядок вещей – рост, являющийся, наравне с понятием «благо», стержнем экономических теорий, начиная с А. Смита и Д. Рикардо; возможное – развитие, переход к более высокому качеству, эффективности работы экономической системы) – существуют и определяют свою значимость в рамках контекста, включающего социальные, культурные и экологические составляющие. Социальные и культурные составляющие возникают непосредственно из-за вовлеченности общества в решение проблемы развития – социально-культурная среда неизменно накладывает отпечаток на решение задач модернизации, наравне с возникшей в 1970-е годы озабоченностью состоянием окружающей среды и её влиянием на развитие. При этом возникающая концепция устойчивого развития не пыталась решить собственно задачу изменения модели взаимодействия «общество – окружающая среда»; основной её задачей как экологической и экономической модели был поиск путей модернизации технологий в условиях экологического кризиса и неэффективной экстенсивной модели количественного роста.

Рассмотрев основные теоретические направления в рамках представленного дискурса, сделаем вывод о его характере и основных составляющих. Во-первых, это проблема экономического роста, в которую вписаны дискуссии о неэффективности количественного роста в условиях постоянного уменьшения ресурсной базы производства и общей исследованности мира (как следствие или скорее констатация глобализации): природных ресурсов и территории ровно столько, сколько её в текущий момент есть, дальнейшее экстенсивное расширение в рамках капиталистического механизма воспроизводства невозможно. Во-вторых, дискуссия о предельных нормах воздействия на экосистему, представляющую собой материальную базу для производства. Если база не может быть расширена, то необходимо вводить механизмы контроля за её эффективным использованием (в данном случае контроль за загрязнением в рамках теории несущей способности экосистемы) либо выявлять существование данных механизмов в уже действующей экономической модели.

Как было показано выше, эоцентристы разрабатывали теории управления как со стороны государства, так и со стороны общества; техноцентристы и корникопианцы выявили существование двух действующих моделей контроля в рамках текущей экономической системы. В-третьих, истощаемость ресурсов, которая ставит под угрозу все функционирование капиталистического производства. И здесь опять мы наблюдаем дискуссию об организации или самоорганизации в рамках экономической системы. Сам термин «устойчивое развитие» появляется где-то посередине между двумя полюсами дискуссии: развитие как не рост, что наблюдалось прежде и характеризовал капиталистический механизм воспроизводства, а переход на иной качественный этап к посткапиталистическому производству на основании эффективации использования как производственного механизма (т.е. собственно заводов, фабрик, вредных производств и т.д.), так и материальной базы; устойчивое, как подверженное общей цикличности мировой экономики, но при этом достигающее эффективного экономического равновесия в рамках модели «производство-материальная база» (окружающая среда).

Второй этап характеризуется попыткой объединения рассмотренного количества теорий в рамках артикулированной концепции устойчивого развития, разработанного для ООН (в рамках доклада Х. Брунтланд). Естественно, это приводит нас к необходимости рассмотреть основные смысловые категории, обуславливаемые политическим дискурсом.

Безусловно, что работа Римского клуба не только вызвала к жизни теоретические исследования, но выявила необходимость принятия каких-то политических шагов применительно к самым острым проблемам: истощаемости ресурсов и загрязнения. Общая тенденция к введению экологической проблематики в дискурс высокой политики была проявлена окончательно в 1972 г., когда в Стокгольме прошла Первая конференция ООН по проблемам окружающей среды и была создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Первые решения по данной проблематике были подчеркнуты декларативны и увязывались с произошедшим в 70-е годы окончательным крахом колониальной системы и необходимостью стимулирования развития новообразовавшихся государств. Помимо всего прочего в 60-е годы в рамках Комиссии ЭКОСОС по Латинской Америке была разработана программа преодоления технологической отсталости стран Южной Америки от Северной за счет создания новых рабочих мест и собственных производств (замена импортоориенти-

рования), особенно в сфере тяжелой промышленности. Автаркии не получилось, и данная экономическая модель показала свою несостоятельность, более того, несколько позднее было доказано, что экономическая зависимость при таком подходе еще более возрастает (заменяясь с товарной на технологическую). В 70-е гг. проблема Севера и Юга еще более обострилась в силу появления значительного количества независимых государств, имеющих сходные политические, социальные и экономические проблемы, и их вхождения в ООН с её главным принципом «одно государство – один голос». В основном интересы развивающихся государств затрагивали признание их территориальной целостности (и здесь велась работа по сокращению вооружений, конвенции по определению агрессии, созданию безъядерных зон и т.д.) и оказания экономической помощи. Так сложилось, что экологическая политика стала удобным местом для артикуляции идей об улучшении условий предоставления технологической и экономической помощи данным государствам.

Рассмотрим, какие трансформации произошли на пути от декларативного обсуждения данных идей до их включения в концепцию устойчивого развития в 1987 г. Необходимо отметить, что энергетический кризис 1973 г., приведший мировую экономическую систему к очередной трансформации, надолго затормозил широкое обсуждение экологической проблематики в политическом истеблишменте. Возвращение к данной проблеме происходит в 1980 г. и связывается с опубликованием разработанного ЮНЕП и одобренного ГА ООН документа под названием «Глобальная стратегия консервации», в котором общее направление борьбы с экологическим загрязнением, вызываемым деятельностью человека, называется «устойчивым развитием».

К значительным последствиям привела деятельность Х. Брунтланд в 1987 г., доклад которой «Наше общее будущее» сформировал ядро концепции устойчивого развития в том виде, в каком она стала использоваться в дальнейшем при принятии политических решений. Обратимся к определению устойчивого развития, которое дает Брунтланд в докладе: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [8, с. 50]. Социально-экономическая сторона вопроса ставится подобным определением наиболее остро (экономическое неравенство, неравномерность экономического роста). Второй аспект – экологическая сторона вопроса,

понятие ограничений, «обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности» [8, с. 50]. В самом общем виде концепция устойчивого развития, по Брунтланд, увязывает проблемы экологии с неправильным социально-экономическим развитием, проистекающим в силу неудовлетворения потребностей населения, т.е. концепция устойчивого развития становится концепцией социально-экономического роста, не наносящего ущерба окружающей среде. Увязка социально-экономического развития с окружающей средой происходит при помощи применения теории несущей способности – ограничений развития, накладываемых состоянием окружающей среды.

Таким образом, концепция устойчивого развития стала объединять социально-экономические и экологические аспекты развития. Здесь мы рассмотрели формирование теории Брунтланд, вокруг концепции устойчивого развития, но необходимо отметить, что помимо антропоцентричного подхода, представленного в работе Брунтланд, в этот период существовал и развивался биоцентричный подход, представленный докладами ЮНЭП и такими значимыми документами, как Рамочная конвенция об изменении климата, Декларация Рио и т.д., где устойчивое развитие, определяемое по докладу Брунтланд, виделось достижимым посредством ограничения распространения вредных веществ и эффективации технологий вредных производств. При этом общий фрейм – равновесие в удовлетворении потребностей нынешнего и будущего поколений сохраняется.

Развитие концепции устойчивого развития приводит к обозначению трех её основных элементов: 1) экологического: экологическая целостность (сохранение и защита окружающей среды); 2) экономическая – экоэффективность (устойчивый масштаб экономики, который соответствовал бы ее экологической системе жизнеобеспечения); 3) социально-демографическая – экосправедливость (справедливое распределение ресурсов и возможностей не только в рамках нынешнего поколения людей, но также между нынешним и будущими поколениями).

Тем самым мы плавно переходим к артикулированию концепта устойчивого развития – ядра настоящей концептуальной схемы. Концепт устойчивого развития выводится исходя из широкого спектра проблем, стоящих в данном исследовательском поле, – это экологическая деградация, истощение природных ресурсов, загрязнение почвы, воды и атмосферы в ходе хозяйственной деятельности человека, переход

к безвредному, но не менее эффективному производству и т.д. При этом все вышеперечисленные проблемы сходятся в рамках данной оппозиции: экологическая стабильность – экономический рост. Экологическая стабильность подразумевает относительное равновесие в рамках экосистемы (динамическое равновесие), регулируемое естественными биологическими механизмами (в т.ч. биологическими циклами). Экономический рост заключается в отторжении территории под производство и добычу природных ресурсов, что приводит к загрязнению территории и сокращению природных ресурсов, в разы превышающему их естественное возобновление. Экономический рост приводит к изменению равновесия биосистемы и к её деградации. Экологическая стабильность требует сохранения постоянства состава среды, т.е. отсутствия производства, отбирающего территорию и ресурсы. При этом данная оппозиция сходится в том, что как экологическая стабильность, так и экономический рост без изменения текущей модели потребления и производства приходят к кризису – в одном случае к деградации, в другом – к застою. Концепт устойчивого развития вносит между двумя оппозициями связующий союз, в результате чего мы имеем экологическую стабильность и устойчивый экономический рост. Данная формулировка концепта естественно очерчивает границу концепции устойчивого развития как эколого-экономическую, с одной стороны, и социальную – с другой, поскольку решение обеих проблем напрямую затрагивает и разнообразный спектр социальных вопросов – от изменения действующей в обществе модели потребления до ликвидации нищеты.

В рамках экономического дискурса речь идет о нескольких экономических теориях посткапиталистического производства в условиях постоянного состава и количества природных ресурсов, в силу чего основным элементом обсуждения становится аспект достижения макроэкономического равновесия в системе. В рамках политического дискурса акцент смещается с проблем экономического роста вообще до проблематики нелинейности экономического развития развитых и развивающихся стран и возникающей, таким образом, зависимости, снятие которой предполагается от имплементации концепции устойчивого развития, которая здесь включает рассмотрение разнообразных аспектов преодоления уже существующих социально-экономических диспропорций. При этом достижение необходимого макроэкономического равновесия возможно только при решении управленческих задач и постоянном вмешательстве развитых государств в форме финан-

совой и технологической помощи, что автоматически приводит к усилению уже существующей экономической зависимости. Собственно данный порочный круг и заставил Брунтланд ориентироваться на универсальные аспекты – потребности человека вообще, что позволило снять политическую остроту данного вопроса и имплементировать устойчивое развитие в задачи либерального государства (что в 1987 г. означало прогрессивное государство вообще). Максимизация и оптимизация перераспределения национального дохода на базовые потребности человека, куда входит фонд будущих поколений, экологическая безопасность, контроль за загрязнением окружающей среды и т.д., вписывается концепцией устойчивого развития в задачи государства, и теперь оба дискурса – экономическая теория и нелинейность развития Севера и Юга представлены вместе. Именно по этой причине и возникает современная многомерность концепции устойчивого развития, которая охватывает практически все: экономику (устойчивый экономический рост), социальную систему (борьба с бедностью, безработицей и т.д.), политическую систему (эффективная система управления природоохранной деятельностью), экологию (экологическая безопасность). Возможно ли снятие обоих аспектов концепции посредством перехода к рассмотрению человека в государстве и в окружающей среде? Ни Брунтланд, ни более ранние теоретики на данный вопрос не отвечают. Однако антропологическая постановка проблемы снимает остроту антииндустриальной критики, количество требований об экономической помощи со стороны развивающихся государств, нежелание развитых государств сокращать производства и способствует развитию данной концепции и созданию в дальнейшем нескольких программ по её реализации.

Итак, мы рассмотрели три этапа концептуализации устойчивого развития – от ряда теорий, объясняющих общую предметную область до концепции в рамках концептуальной схемы, учитывающей изменение смысла теорий в рамках экономического и политического дискурсов. Концептуализация устойчивого развития привела к расширению предметной области с эколого-экономических проблем развития до включения социального пространства (проблемы общества потребления, уровня жизни, фонда будущих поколений).

Список литературы

1. Всемирная энциклопедия: Философия XX в. под ред. А.А. Грицанова. М.: АСТ, Современный литератор, 2002.

2. Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура развития науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978. С. 170–190.
3. Маневич В.Е. Теоретическая система Кейнса. К 70-летию выхода «Общей теории занятости, процента и денег». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cemi.rssi.ru/mei/articles/manev06-1.pdf (дата обращения 16.09.2010).
4. Daly H., Cobb J.B. For the common good: redirecting the economy toward community, the environment and sustainable future. Boston, 1989. 221 p.
5. Cotgrove. S. Catastrophe or cornucopia. The environment, politics and future / S.Cotrove. N.Y.: Wiley, 1992. P. 59. 166 p.
6. Strategies for sustainable development. Local agendas for the Southern Hemisphere. Ed. by Redclift M., Sage C. NY.: John Wiley & Sons, 1994. 206 p.
7. Rostow W.W. Theorists of economic growth from D. Hume to the Present. Oxford: Oxford University Press, 1992. 736 p.
8. Брунтланд Г.Х. Наше общее будущее. М., 1989. 180 с.
9. Гизатуллин Х.Н., Троицкий В.А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998, № 5. С. 124–130.
10. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.

CONCEPTUALIZATION OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT: ANALYSIS OF ECONOMIC AND POLITICAL DISCOURSES

D.Yu. Shatalov-Davydov

Sustainable development concept is traditionally perceived in the same group with such phenomena as globalization, ecological crisis, technology development issues. Due to the special nature of the sustainable development concept, two discourses are being highlighted here – the ecological one containing coexistence of economical development in which the manufacture consumes ecosystem resources and ecological stability putting limit on the scale of production in certain areas, and the political one putting emphasis on theory implementation issues. This paper presents an analysis of the sustainable development concept, its conceptualization in the framework of sustainable development conception and its development in both types of discourses.

Keywords: sustainable development concept, economic growth, globalization, dependence theory, ecological stability.